

Гайе А.

ЗНОЙНАЯ ПУСТЫНЯ
ДОРОГОЙ ПРИКЛЮЧЕНИЙ
АФРИКАНСКОЕ САФАРИ

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Артур Гайе

**Знойная пустыня.
Дорогой приключений.
Африканское сафари (сборник)**

«Алисторус»

ББК 84(4Гер)

Гайе А.

Знойная пустыня. Дорогой приключений. Африканское сафари (сборник) / А. Гайе — «Алисторус», — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-02622-5

Немецкий писатель Артур Гайе до четырнадцати лет служил в книжном магазине и рано пристрастился к описаниям увлекательных путешествий по дальним странам. По вечерам, засыпая в доме деспотичного отчима, он часто воображал себя то моряком, то предводителем индейских племен, то бесстрашным первооткрывателем неведомых земель. Однажды он бежал из дома и вскоре устроился юнгой на китобойном судне, отходившем в Атлантический океан. С этой минуты Артур Гайе вступил в новую полосу жизни, исполненную тяжелого труда, суровых испытаний и необычайных приключений в разных уголках земного шара. Обо всем увиденном и пережитом писатель рассказал в своих увлекательнейших книгах, переведенных на многие языки Европы и Америки. В этом сборнике публикуются роман «Знойная пустыня», а также повести «Дорогой приключений» и «Африканское сафари», которые уносят читателя в мир рискованных, головокружительных приключений, в мир людей героической отваги, изумительной предприимчивости, силы и мужества.

ББК 84(4Гер)

ISBN 978-5-486-02622-5

© Гайе А.

© Алисторус

Содержание

Знойная пустыня	6
Глава I	6
Глава II	9
Глава III	15
Глава IV	18
Глава V	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Артур Гайе
Знойная пустыня
Дорогой приключений
Африканское сафари
(сборник)

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2008

© ООО «РИЦ Литература», 2008

Знойная пустыня

Глава I

Я обязуюсь предпринять кругосветное путешествие

В один из безнадежно дождливых ноябрьских дней я, по своему обыкновению, сидел в маленьком кафе моего родного городка, когда к мокрому оконному стеклу вдруг прижалась человеческая физиономия.

Вытянув шею, я старался всмотреться в это лицо, показавшееся мне удивительно знакомым; взгляд этого человека тоже остановился на мне.

Через минуту он уже стоял возле моего столика и, глядя на меня поверх мокрых стекол очков, произнес:

– Гайе! Да неужели это вы?

– Да, это я, доктор Целле. А как вы попали сюда? Как вы поживаете? Присаживайтесь и выпейте со мной стаканчик грога.

– Да нет, я не верю своим глазам! Какой удивительный случай. Если у вас есть время и охота, расскажите мне: откуда вы явились и что вы здесь намерены делать?

– Да вот уже две недели я сижу в этом кафе, пью кофе, а когда идет дождь – грог, и думаю о том, какой бес попутал меня пять недель тому назад приехать обратно в Европу с Суэцкого канала. Я, видите ли, вдруг вспомнил о чистой мягкой постели, не кишасей паразитами, о хлебе, не пахнущем верблюжьим пометом, об умывальнике, наполненном чистой водой без песка, – одним словом, мне захотелось цивилизации. И вот недолго думая я помчался в Европу и очутился здесь, – сказал я, указывая на свой стакан грога, на нескольких унылых посетителей, сидевших за соседними столиками, и на улицу, где продолжал лить дождь.

– Значит, вам уже успела надоесть цивилизация и наш убийственный климат! – спросил доктор Целле. – Ну, этой беде легко помочь!

– Хорошо, помогите мне. Но раньше выпейте-ка стакан грога, чтобы согреться, – посоветовал я, помогая ему снять плащ.

– Слушайте, Гайе, у меня появилась блестящая идея! Если бы вы только согласились. Скажите, у вас есть определенные намерения на ближайшее будущее?

– Да. Я хочу убраться отсюда как можно скорее.

– И вам, очевидно, безразлично куда?

Я кивнул головой и подвинул к нему стакан грога. Целле обхватил его окоченевшими пальцами и продолжал снова:

– Прекрасно. В таком случае, не согласитесь ли вы отправиться в кругосветное путешествие для нас? Но ведь вы еще не знаете, что это значит – «для нас». Видите ли, судьба наградила меня местом редактора в газете «Часы досуга». Не знаю, чем я заслужил такую милость. Вы, вероятно, знакомы с этим листком?

– Да, знаком. Кажется, он страхует жизнь своих подписчиков?

– Да. Совершенно верно, и еще как страхует: в виде премии годовые подписчики страхуются от смерти и несчастных случаев в тысячу марок. Это наша главная приманка, а второй приманкой будете вы, наш «кругосветный путешественник»! Вам отводится целая страница, на которой вы можете описывать свои путешествия и занимать внимание наших подписчиков до момента их смерти, то есть до момента выплаты их родственникам страховой премии. У нас уже был один такой «кругосветный путешественник» – некий доктор Гиндебранд, последователь Будды и вегетарианец, – одним словом, человек со странностями. Он отправился в кру-

госветное путешествие с ослом и с женой. Когда осел упрямылся и не хотел идти, доктор Гиндебранд приходил в отчаяние, потому что, согласно учения Будды, нельзя бить животных. В конце концов эта троица все же благополучно добралась до Иерусалима. Все шло как по маслу: он аккуратно посылал нам свои корреспонденции, хотя, правда, мне приходилось, чтобы не запугать наших читателей, предварительно вычеркивать философские рассуждения, которыми изобиловали его статьи. Но тут вдруг с ним случилось несчастье: он увидел вещий сон, после которого решил бросить жену и осла и уединиться в горы, чтобы вести жизнь отшельника. Поверите ли вы такой истории!

Доктор Целле выпил стакан грога и замолчал, а я старался воскресить в своей памяти то, что знал о буддизме, но мог только смутно представить себе усталую и скучную философию этого учения. Но все же. Отшельник в горной пещере! В тот момент мне казалось, что я понимал порыв этого чудака.

– Ну, что? – спросил доктор Целле.

– Ничего. Таким образом вы остались без корреспондента и предлагаете мне занять эту должность. А сколько вы думаете платить мне?

– Значит, вы согласны. Ах, черт возьми, как это удачно вышло, у меня гора свалилась с плеч. Это толстое чиновничье брюхо – мое высшее начальство – делало все время такую мину, как будто я виноват в перевороте, происшедшем в душе доктора Гиндебранда. Что касается финансовой стороны дела, то, надеюсь, мы сговоримся, но должен предупредить вас, что много наша лавочка платить не будет, но околачиваться по белу свету вы ведь привыкли, писать об этом вы тоже умеете, значит, теперь остается только одно – фотографические снимки. Это одно из главных условий и, пожалуй, будет поважнее писания, и самое главное – не сердитесь, пожалуйста! – вы должны фигурировать на каждом снимке. Иначе наши читатели не поверят, что вы были там, а будут думать, что, сидя здесь, в кафе Рейхсвезера, вы высосали у себя из пальца эти ужасы, от которых волосы становятся дыбом. Приходите завтра утром ко мне в редакцию, там мы подпишем договор. А когда вы могли бы отчалить?

– Скоро. А какой маршрут был бы желателен для вас и как долго должно продолжаться мое путешествие? – спросил я.

– Это нам совершенно безразлично. Поедете ли вы, или пойдете, первым ли классом, или, если вам удобнее, третьим и как долго вы будете в пути, – это ваше дело. Вы должны только еженедельно посылать нам свои отчеты, писать их поинтереснее, чтобы наши читатели застыли на месте с разинутым ртом и вытаращенными глазами и чтобы вы сами, собственной персоной, были на каждой фотографии. И тогда можете, если вам будет угодно, путешествовать хотя бы семь лет. Кельнер! Принесите карточку вин. Теперь вы выпьете со мной стаканчик вина и расскажете что-нибудь о ваших последних плаваниях в Мекку и Медину.

Я с удовольствием исполнил то, о чем он меня просил. Вскоре после этого он ушел, а затем и я отправился восвояси.

Когда я вышел на улицу, дождь все еще лил, кругом не было ни души, мокрые деревья в городском саду шумели в темноте, вода с журчанием стекала в решетчатые стоки. Я несколько минут в нерешительности простоял у фонаря, думая о том, куда бы мне направиться, и решил пойти домой. Не знаю почему, но мои мысли были всецело заняты тем безумцем, о котором мне рассказывал доктор Целле. Я думал о том, как буду заменять его: не случится ли и со мной подобная история?

Дома меня ожидала одинокая, скучная меблированная комната. Когда я, глубоко засунув руки в карманы, подошел к окну, то увидел черное небо и хлеставшие по стеклу потоки воды, которые вернули меня к мрачной действительности.

Я посмотрел на часы и, вынув из кармана бумажник, подошел к двери.

– У нас было обусловлено предупреждение за две недели, фрау Брюкнер. Не правда ли? Следовательно, я должен уплатить вам за комнату да еще вперед до пятнадцатого числа. Вот,

пожалуйста, сдачи не нужно: на оставшиеся деньги перешлите мой чемодан по адресу, который я вам сообщу. А пока принесите мне чего-нибудь поесть, сегодня ночью я уезжаю в небольшое путешествие.

Приблизительно через час я стоял с маленьким саквояжем в руках на главном вокзале перед расписанием поездов.

Девять часов двенадцать минут – поезд через Дрезден – Боденбах – Прагу в Вену, но он уже ушел, теперь девять часов двадцать шесть минут... А вот в девять часов тридцать пять минут – поезд через Эрфурт, Франкфурт, Карлсруэ, Цюрих, Сен-Готард – вот этот мне подходит. Швейцария – чудесная страна, и у меня останется еще время написать открытку доктору Целле, что я уже «отчалил».

– Пожалуйста, билет третьего класса до Цюриха.

Я еще успел купить себе газету, и в последнюю минуту перед отходом поезда, стоя на платформе возле паровоза и глядя на блестящие от дождя рельсы, убегавшие в широкую даль, в жизнь, полную приключений, я невольно опять вспомнил о чудаке-корреспонденте, который нашел смысл жизни, удалившись от суеты мирской.

Глава II

Рекордный пробег по Италии, где я случайно участвую в драке и попадаю в Испанию

Таможенный чиновник на швейцарской границе наклеил билетик на мой саквояж, чуть повыше такого же билетика, наклеенного его коллегой на австрийской границе три недели тому назад, когда я возвращался на родину из Египта. Несколько часов спустя, я увидел город Цюрих, показавшийся из облаков тумана, а после полудня мог рассмотреть и горы, блестящие на солнце вершинами, покрытыми снегом.

На следующее утро яркие солнечные лучи залили горную долину, и вершины гор засияли голубым светом. Я направился в магазин, где купил себе вещевой мешок, альпийскую палку и сапоги, все необыкновенно прочное. Всунул в мешок аппарат, уже в достаточной степени поддержанный, ночную рубаху и зубную щетку, отправил саквояж по почте в Киассо, а сам направился пешком через горы.

Постепенно приводя ходьбой свои чувства в равновесие, я погружался в обычное равнодушное состояние духа. Каждое утро, как только успевал сделать несколько шагов по обледеневшей за ночь земле, я внезапно останавливался как вкопанный, вспоминая, что снова забыл написать открытку доктору Целле.

Вначале путешествие пешком давалось мне не легко: постоянная верховая езда на Востоке очень избаловала меня. Не доходя до Гешенена, я встретил двух немецких буршей, то есть, вернее, не встретил, а наступил им на ноги, торчавшие из-за выступа скалы. Ни о чем не думая, я уныло шагал по дороге, опустив голову на грудь, и вдруг споткнулся об их ноги.

Эти двое парней были рабочими-металлистами и направлялись в Италию искать счастья. Они были еще очень молоды, неопытны, и представляли себе Италию обетованным раем, где на каждом дереве растут апельсины.

Я решил присоединиться к ним, чтобы опекать их.

Первый день нашего путешествия прошел благополучно, потому что от Гешенена до Арколо¹ мы ехали поездом. Через Сен-Готардский хребет уже нельзя было перейти пешком, так как он был сильно занесен снегом, но на следующий день мы до обеда успели пробежать тридцать километров, а до вечера – сорок пять. Накануне мы также прошли сорок километров, а на следующий день пятьдесят, и только тогда достигли города Киассо. Я по дороге разошелся и рассказывал о своих африканских подвигах, так что теперь мне не хотелось унижаться в глазах моих спутников, и я не жаловался на усталость. Но зато я уговорил их пройти на следующий день только до озера Комо. В Комо все дешевые ночлежки были переполнены туристами, а предложение переночевать в гостинице за мой счет они категорически отвергли, так что нам пришлось идти до следующей деревушки, чтобы попросить пристанища у кого-либо из крестьян.

Дойдя до деревни, мы увидели сеновал, где хранилась кукурузная солома. Мы совершенно выбились из сил и решили переночевать здесь, но ночь была страшно холодна, солома ничуть не грела и к тому же кишела полевыми мышами и крысами, так что о сне не могло быть и речи. Мы стучали зубами от холода и с руганью бросали чем попало в шныряющих под ногами крыс, а я еще поддразнивал своих товарищей рассказами о стоящей в Италии жаре. Вдруг один из них бросил сапогом в угол сарая и заорал:

– Ну, это, однако, чересчур! Эти бесстыжие прогрызли дыру в моем мешке и подъели нашу копченую колбасу!

---

¹ Дело происходит на итало-швейцарской границе.

Я язвительно засмеялся и высказал предположение, что до утра длиннохвостые дьяволы могут отгрызть нам пальцы на ногах. Мы решили покинуть злополучный сеновал и, подгоняемые холодом и отчаянием, опять помчались вперед.

От ходьбы мы постепенно согрелись, но скоро снова выбились из сил и, прикорнув возле какой-то свежештукатуренной стены, попытались уснуть; но холод погнал нас дальше, и мы механически, почти бессознательно, брели вперед по проселочной дороге, залитой лунным светом. Я торжествовал, заметив, что оба скорохода выбивались из сил; теперь я подгонял их. Так мы постепенно продвигались вперед умеренным шагом, отнимающим минимум сил и энергии.

Глядя на залитую лунным светом долину Ломбардии, я мысленно перенесся к сверкающим снежным вершинам гор Северной Америки и дальше, к залитой знойными лучами солнца пустыне Сахаре. Погрузившись в воспоминания о прошлом и в мечты о будущем, я совершенно забыл о своих усталых компаньонах.

Между тем ночь прошла. Мы были так утомлены, что зигзагами ковыляли по дороге. У меня было такое ощущение, что если я сяду, то больше не смогу встать. С восходом солнца мы достигли предместья Милана. Дорога шла вдоль железнодорожного пути; масса рабочих, едущих в город на работу, переполняла вагоны пригородных поездов. Мои спутники заикнулись было о покупке билета на поезд, но я отрицательно покачал головой, и мы побрели дальше. Парни были полумертвы от усталости, я тоже еле волочил ноги: мои подошвы были сплошь покрыты пузырями. Наконец мы добрались до первой трамвайной остановки с надписью «Diotto».

– Куда мы, в сущности, идем? Не зайти ли нам выпить стакан горячего кофе или съесть чего-нибудь горячего, а потом уж подыскать себе подходящее пристанище, – сказал один из рабочих.

– Да, да. Идемте, – ответил я, с трудом влезая в вагон трамвая, потому что ноги мои были тяжелы как колоды.

На углу улицы Алессандро Маццони я, не задумываясь, повел своих товарищей прямо по направлению к маленькой вывеске, на которой было написано «Latteria»².

Хриплым голосом продекламировал я тому же самому горбатому старикашке, который десять лет тому назад прислуживал мне, итальянское четверостишие, которое я воскресил в памяти по дороге сюда: «Tre cafe e latte...» Три кофе с молоком, хлеб с маслом, сыр и мед поскорее, прошу вас! – и затем со стоном опустился на деревянную скамью.

Стенные часы пробили восемь. Вчера в это время мы вышли из Киассо – значит, мы шли без отдыха целые сутки. Горбун принес требуемое. Мы набросились на хлеб, сыр, масло и мед, но от усталости головы наши клонились к столу. Направляясь к Альберто Пополаре – дешевой гостинице, мы шатались как пьяные.

Проходя мимо собора, я счел своим долгом показать обоим юношам знаменитую церковь. Поднявшись на раскаленную от солнца крышу собора, мы внезапно почувствовали такую усталость, что, забравшись за мраморную статую какого-то святого, немедленно уснули. Наш волшебный сон нарушил сторож, который в полдень делал обход. Вечером, когда мы, наконец, вытянули свои онемевшие члены на кровати, один из моих спутников, засыпая, спросил:

– Сколько километров от Киассо до Милана?

– Приблизительно семьдесят, – ответил я, засыпая и приняв твердое решение в будущем не затевать таких длительных переходов. Я остался верен этому решению.

Мои компаньоны решили дать своим подошвам возможность вполне зажить и хотели употребить это время на то, чтобы здесь поискать работы. На прощанье я наградил их дюжиной полезных советов и килограммом трубочного табаку. Затем написал, наконец, открытку

---

² «Молочная».

доктору Целле и поехал поездом до Генуи. У меня появилось смутное желание сесть на пароход Генуя – Александрия, чтобы поведать читателям «Часов досуга» о Египте, но, очевидно, мне не было суждено выполнить этот план, потому что пароход только что ушел, а следующий должен был уйти только через восемь дней. Тогда я решил добраться до Бриндизи и сесть там на пароход австрийского Ллойда, направляющийся туда же.

По пути я остановился во Флоренции. Даже шести дней мне показалось мало, чтобы осмотреть дворцы, церкви и монастыри этого чудесного города. Без устали бродил я по его площадям и рынкам, сидел в кафе у Палаццо Веккио, любясь кипарисовыми и оливковыми рощами Тосканы или созерцая знаменитого Давида Микеланджело. Я любовался серебряной лентой реки Арно или без конца смотрел на бледно-голубое зимнее небо, которое, как шелковое покрывало, раскинулось над городом. Но воспоминания о докторе Целле камнем лежали у меня на совести. Объятый внезапный усердием, я приобрел пленки для аппарата и снял чудесное старое оливковое дерево, Давида, собор, сказочный уголок в саду Бополи и еще многое другое, что привлекло мое внимание. Но когда я увидел эти снимки, то решил, что это совсем не то, что нужно читателям «Часов досуга», и невольно задумался: подхожу ли я вообще для той роли, которую взял на себя, смогу ли я удовлетворить газетного подписчика, который за свои двадцать пфеннигов в неделю требует очень многого, и еще о том, что я продал свою свободу, которой дорожу больше всего на свете. Обуреваемый такими мрачными мыслями, я присел под знаменитым оливковым деревом и погрузился в размышления.

Я бы, конечно, мог опять поехать в Северный Египет, в Александрию, и жить там в санатории, как прежде, но вспомнив суп из «морских глаз», вечно пьяных русских, постоянно не сходявшийся дебет и кредит в моей счетной книге, давящий зной, липнувших к телу во время послеобеденного сна мух и общий тоскливый санаторный режим – я содрогнулся. Также неприятно было мне вспомнить о напоенной безумием бесконечной знойной пустыне, о монотонном шарканье верблюжьих копыт по песку, когда начинает казаться, что мозг рассыпается на мелкие распыленные частицы, о вшах и блохах, которыми кишат одеяния «сынов пустыни», о едком запахе верблюжьего помета и постоянном скрипе песка на зубах. Песок постепенно портит желудок, который совершенно перестает переваривать пищу. И все же этот образ жизни долгое время был мне приятен. А теперь я решил своими путешествиями зарабатывать мешки золота: буду писать о своих впечатлениях для «Часов досуга», так как мои денежные средства уже приходят к концу.

Я принялся считать свои капиталы и был поражен: у меня в наличии оказалась только половина той суммы, на которую я рассчитывал.

– Ах, черт возьми! – озабоченно сказал я, рассматривая тощую пачку банковых билетов, и стал высчитывать, куда я девал свои деньги... Но факт все же был налицо, и, следовательно, мне могли помочь только «Часы досуга». Тут я вспомнил, что, делая снимки, совершенно забыл о том, что сам должен фигурировать на них, и мне стало опять скверно на душе.

– Нет, мой милый, я не стану портить красоты пейзажа своей мерзкой фигурой, – сказал я, ласково поглаживая кору знаменитого старого оливкового дерева.

Вечером того же дня я уехал в Рим. Но так как там лил дождь, и мне это не понравилось – я в тот же вечер поехал в Неаполь. Здесь тоже лил проливной дождь, на улицах была такая вязкая грязь, что ботинки застревали в ней, и, глядя на эту грязь и вонь, я понял, почему англичане говорят: «Посмотри Неаполь и умри».

На следующее утро небо прояснилось, на Везувии выпал снег. Обер-кельнер в гостинице заявил мне, что здесь интересно не настоящее, а прошедшее, и поэтому посоветовал осмотреть развалины Помпей, для чего всучил мне два билета по три лиры за штуку. Я отправился туда и скоро углубился в закопченные улицы засыпанного города. Это было действительно очень интересное зрелище; но больше всего меня поразили выкопанные трупы, которые были выставлены в стеклянных ящиках в маленьком домике, находящемся у ворот.

Первым был труп женщины: ее рука была приподнята, как для объятия, на губах играла улыбка, она умерла внезапно, не понимая происходящего. Возле нее лежал ширококостный мужчина – очевидно, раб: его кулаки были сжаты, рот открыт в предсмертном крике. Рядом с ним в гробу лежало тело старца: он умер сидя, худые пальцы были судорожно сплетены, гордое лицо спокойно, губы сжаты в твердой решимости. Его отважность была сильнее страха смерти!

Больше мне ничего не хотелось осматривать, ни в Помпее, ни даже в Неаполе. Я отправился в агентство австрийского Ллойда, чтобы узнать, когда отходит следующий пароход из Бриндизи. Оказалось, что все места на двух последующих пароходах полностью распроданы. Я стоял перед окошечком кассы и думал, куда же мне теперь отправиться. Так как горы и озера сверкали под ясными лучами солнца, а мои подошвы вполне зажили, я решил пойти пешком по Кампании и Калабрии.

Я проходил мимо коричневой зелени виноградников, серебристо-зеленых оливковых рощ и громадных пиний, росших у дороги, встречал белоснежные стада овец и пастухов в остроконечных шляпах, похожих на знаменитого итальянского разбойника Ринальдо Ринальдини; пил много темно-красного вина, и ел жареную рыбу, но не пережил ни одного покушения на свою жизнь или на свой вещевой мешок, о котором бы стоило сообщить нашим жаждающим приключений читателям.

Итак, я брел все дальше и дальше по проселочной дороге, изредка проезжал небольшое расстояние поездом и, наконец, все еще не имея определенного плана путешествия, дошел до Палермо. Здесь я в первый же вечер попал в неприятную переделку, благодаря которой очутился в Испании.

Не помню, как это случилось, но часов в одиннадцать вечера я предпринял прогулку в гавань, чтобы полюбоваться лунной ночью на море. Я остановился под пальмой и загляделся на мерцание светлячков у ее подножия, как вдруг в близлежащей остерии³ послышался дикий рев, и оттуда высыпало с полдюжины пьяных парней, которые, налетев друг на друга, подняли страшную драку. Я с детства сохранил интерес к дракам и поэтому подошел поближе, чтобы увидеть, чем все это кончится.

Четверо набросились на одного, что мне сразу не понравилось, и я увидел блеск ножа в темном кулаке, который поднялся, чтобы ударить лежащего на земле человека. Я едва успел вовремя схватить этого человека за руку, и одновременно с этим убийца получил сильный удар между глаз, который мне редко удавался. Конечно, теперь весь интерес этой шайки сосредоточился на мне: один из них сейчас же схватил меня за шиворот, и не знаю, чем бы это кончилось, если бы не потоки вонючей жидкости, полившиеся на нас откуда-то сверху. Одновременно с этим на нас вылился поток ругательств из прелестного женского ротика. Мы бросились врассыпную. Яростный рев пьяной шайки, к которому присоединились все голодные псы Палермо, заглушил поток ругательств, сыпавшихся на нас из открытых окон.

«Сколько несправедливости на свете», – думал я, мчась, как беговой скакун, по улицам гавани. Свою шляпу я держал на почтительном расстоянии от себя. Тут я услышал топот бегущего за мной человека и стал соображать: остановиться ли мне, или ускорить бег? До меня донесся голос:

– Эй, синьор, мистер! Стоп!

Я решил обернуться и, в случае, если он поведет себя неблагородно, употребить свою мокрую шляпу как оружие. Это был маленький необыкновенно широкоплечий человек, который мчался прямо на меня.

---

³ Харчевне.

– Come on! Come on!⁴ – пыхтел он, кивая мне головой, и полетел дальше. – Беги скорее! По этой дороге. Вы по-английски... Нет? Я слышал, как вы ругались, когда девушка вылила на нас помой. Maladetta bestia⁵. Вы тоже намокли? Come on!

– Стой! – крикнул я останавливаясь. – Куда вы, к черту, так бежите, ведь за нами нет погони.

Он быстро повернул свою бритую голову, белки глаз блеснули в темноте, бритые щеки надувались, как мехи, от напряжения, на его матросской куртке были оторваны все пуговицы. Тяжело дыша, он прислушался, и при этом я почувствовал, что от него разит спиртом.

– Come on, – прошептал он и протянул руку, чтобы потянуть меня за собой, но сейчас же отдернул ее и тщательно вытер о штаны. Затем он вытащил из левого голенища сапога широкий нож, вытер его лезвие о штанину и медленно, с красноречивым взглядом, поднес его к моему носу. Теперь я понял его страх перед полицией.

– Куда же вы бежите? Я пойду в гостиницу, – сказал я, не двигаясь с места.

Он вытащил из кармана большие серебряные часы и, взглянув на циферблат, сказал:

– Два часа еще не скоро. Большое вам спасибо, вы помогли мне. Я приглашаю вас на мой корабль выпить бутылочку вина, хорошего испанского вина! Мое имя – Педро Каррас, с шхуны «Stella Mare»⁶, из Барселоны.

Он протянул мне руку, и его буйволовая шея склонилась в вежливом поклоне.

В сущности, его приглашение доставило мне мало удовольствия: во-первых, у меня было намерение выкупаться и переменить белье, во-вторых, мне было немного страшно присоединиться к этому атлету, который только что чуть не убил человека, – если его поймают, то я вместе с ним могу попасть в неприятную историю, – в-третьих, я твердо решил этой ночью написать свой первый путевой очерк. Но вместе с тем мне не хотелось обидеть его, так как, несмотря на грубость и вспыльчивость, он казался славным парнем. Я предложил ему, чтобы он раньше дошел со мной до гостиницы, а потом я отправлюсь с ним на корабль.

Он еще раз беспокойно оглянулся и со словами: «Простите, пожалуйста!» схватил мою шляпу. Он ловко натянул ее на свое колено, так что она затрещала.

– Я заплачу за нее, – сказал он и, потеряв громадную шишку у себя на затылке, со свистом натянул шляпу до самых ушей на свой череп, напоминавший тыкву.

Этот квадрат на двух ногах, подобного которому я вряд ли когда-нибудь встречу, думал, что таким образом он стал неузнаваем. Он взял меня под руку и, надув свою колоссальную грудную клетку, двинулся со мной по направлению к гостинице.

По дороге он рассказал, что приехал сюда из Мальты и сегодня ночью, в два часа, должен отплыть обратно в Барселону, к себе на родину, где его ждет жена и трое детей, возраст которых он указал мне наглядно тремя ударами – по колену, бедру и пояснице. Не хочу ли я поехать с ним, чтобы познакомиться с его детьми?

– Поехать с вами в Испанию? Да, в сущности, почему же нет, – пробормотал я, задумчиво глядя на него. Ведь я должен был продолжать свое «кругосветное» путешествие, а в какую сторону – на восток или на запад, – мне совершенно безразлично, и такое путешествие не должно было много стоить. – Чудесно, капитан, я еду с вами в Испанию, – сказал я. – Сколько вы возьмете с меня за проезд?

– Вы в самом деле согласны поехать? Это вам ничего не будет стоить, я еще уплачу за шляпу.

Он был очень доволен, пожимал мне руки и сейчас же затянул какую-то ужасную песню, которую вряд ли можно было найти в каком-либо песеннике.

---

⁴ Пойдем, пойдем.

⁵ Проклятое животное.

⁶ «Звезда морей».

Когда мы дошли до гостиницы, он спрятался за олеандровым кустом, в то время как я переодевался в дорожный костюм и платил по счету. По дороге в гавань он раза два проворно, как крыса, удирал в боковые переулки, увидев перья на шляпе карабинера.

Глава III

Марк Твен помогает мне в беде, и я уезжаю в Марокко

Я ожидал увидеть грязное, запущенное судно и был приятно поражен, когда корабль оказался весьма чистой и даже уютной шхуной. Капитан корабля, правда, оказался чудовищем, что уже можно было предположить по его наружному виду. Во-первых, он вышвырнул из каюты штурмана, который только что улегся спать, и велел приготовить ее для меня. Затем он схватил меня одной рукой, штурмана – другой и потащил нас по палубе, заглядывая в каждый уголок; всовывая свой жирный палец в щель и вытаскивая его оттуда грязным, он бросался на штурмана, как цепная собака, или же, молча, обращал на несчастного такой страшный взгляд, что последний становился бледен как стена. Когда мы подошли к дверям моей каюты, он сказал:

– Две трети этого корабля мои, через короткое время все будет мое, – и при этом надул свою грудь до невероятных размеров.

– Yes⁷, две трети, – повторил он. С английским языком он обращался так же непринужденно, как со своими подчиненными.

Затем вахтенный принес ему кувшин темно-красного густого вина, и синьор Каррас начал пить и петь такие песни, которые могли бы заставить покраснеть даже престарелого матроса из марсельского порта. После третьего стакана я почувствовал, что с меня довольно, и, чтобы отвязаться от него, стал рассказывать о своих английских и американских похождениях и, кажется, попал в точку: его внимание было отвлечено от моего стакана. Он так сильно смеялся, что слезы текли по его бритым щекам, и в каюте раздавался хохот, напоминающий рев быка.

Ровно в половине второго он встал, подвинул мне новый полный кувшин вина, коробку сигар, маслины, хлеб и сыр, надел шитую золотом фуражку и, без конца извиняясь, сказал, что мне придется полчаса развлекаться здесь одному, а он должен подняться на мостик, чтобы вывести корабль в открытое море.

Через пять минут я уже лежал на своей, то есть штурманской, койке и спал. Но я глубоко ошибался, полагая, что капитан Каррас, возвратившись, последует моему примеру. Я был внезапно схвачен за плечи и разбужен этим испанским чудовищем, и когда открыл глаза, то увидел перед своим носом стакан красного вина. Ничего не помогало, я должен был, по крайней мере, делать вид, что пью вместе с ним, и опять рассказывать ему смешные истории, и так как я ничего больше не мог придумать, то пришлось прибегнуть к помощи Марка Твена. Он грохотал и визжал от восторга, ударяя себя по бедрам, затем начал всхлипывать, блеять, и в конце концов я услышал тихие рокошующие стоны: он держался обеими руками за живот, обросшая жесткой щетиной голова опускалась все ниже, ниже, и, наконец, громадное туловище капитана Карраса упало со стула, и он моментально заснул. Я оставил его лежать там и сам захрапел вместе с ним.

Так началось мое морское путешествие в Испанию, и так оно продолжалось три дня, пока не наступила дурная погода, превратившаяся в сильную бурю.

Корабль так кренился на бок, что я не мог больше писать и вышел на палубу. Меня обдало волной соленой воды; я ничего не мог разобрать в черной мгле, окутавшей меня. Дикое завывание бури напомнило невеселые дни у Капа Горна. В первый раз мне приходилось видеть такую непогоду на Средиземном море; она совершенно не соответствовала лазурной глади, которой мы любовались несколько часов тому назад. Красота этой картины так захватила меня, что я мысленно подталкивал корабль, который боролся с напором бушующих волн, и, хотя

---

⁷ Да.

ветер был так силен, что у меня захватывало дыхание, я все же затянул бодрую северную морскую песню Олафа Тригвасона. Я простоял довольно долго, уцепившись за мачту, и пел свою песню, досыта наполнив легкие соленым морским воздухом. Я старался держать глаза открытыми, чтобы следить за гнущимися верхушками мачт, которые, как пальцы великанов, писали вычурные буквы на пролетающих мимо них облаках.

На палубе зазвонил колокол: один, два, три, восемь склянок, или я не слышал больше из-за завывания бури, которое заглушало все. Две фигуры, закутанные в мокрые блестящие прорезиненные плащи, спустились с мостика; пара черных очков посмотрела на меня, и зверский голос капитана заорал мне в ухо:

– Мистер Гайе! У вас морская болезнь? Нет? Почему же вы не спите?

Я отрицательно покачал головой, тогда он, довольный, захохотал и, сняв с себя непромокаемый плащ, набросил его мне на плечи, ласково хлопнув меня по плечу с такой силой, что я едва устоял на ногах. Затем он затопал своими колоссальными ножищами по направлению к каюте. Я продолжал песню о море и непогоде, и, когда вновь появился боцман для того, чтобы обтянуть найтов, я взял у него из рук молоток и попросил позволить мне вспомнить свое морское прошлое. В то время как я найтовил⁸, я услышал предостерегающие крики и увидел нашего коротконого капитана, метавшегося по палубе в погоне за предметами, уносимыми нахлынувшей волной. Я бросился к нему на помощь, и мы как раз вовремя успели задержать клетку, падающую за борт, несмотря на усилие двух уцепившихся за нее матросов.

«Спасибо, дон Родриго», – подумали, вероятно, в это время шесть длинноухих ослов, которые сидели в ней.

Это были три пары белых мулов породы маскат, которые от радости, что их спасли, со страшным грохотом стали колотить задними ногами о стену своего убежища; от их ударов крышка клетки рухнула, и мы вместе с шестью осликами очутились под ней и хлынувшими на нас двадцатью гектолитрами соленой воды. Пока мы, соображая в чем дело, ухватились за плавающие по палубе доски, ящик понесло на другую сторону палубы и там едва не смыло за борт.

Мы кричали и звали на помощь, и, наконец, семь человек матросов с большим трудом схватили плавающий ящик и прикрепили его к одному из бортов. Работа была особенно трудна, потому что мы могли действовать только одной рукой; другой мы принуждены были держаться за доски ящика. Когда, пытая и сопя от усталости, мы попытались открыть дверь клетки, чтобы посмотреть, живы ли все шесть обитателей ее, одно из обезумевших от страха животных самым подлым образом наградило меня ударом копыта в бок, а боцману угодило в живот. Теперь мне было уже не до песен: нас обоих унесли с поля битвы.

На следующий день буря внезапно прекратилась, и «Звезда морей», чисто вымытая, без всяких повреждений направилась дальше к своей цели.

Но погода резко изменилась: стало ветрено и холодно.

Приехав в Барселону, я поспешил сфотографировать моего квадратного капитана на капитанском мостике и затем имел честь познакомиться с его загорелой красавицей женой. Я хромал на одну ногу, но, несмотря на протесты капитана Карраса, на другой же день заковылял на вокзал и уехал в Мадрид. Здесь шел дождь, и я поехал в Севилью, а оттуда в Гренаду, но опять неудача: тут шел снег, и было безумно холодно. Мои пальцы окоченели, так что я с трудом мог регулировать фотокамеру, пытаясь сделать три жалких снимка Альгамбры. К сожалению, снег попадал на объектив, и снимки не удались. Кроме того, я сам не был снят, так что карточки все равно негодились бы.

После этого я, закутанный в два шерстяных одеяла, сидел в номере гостиницы и попеременно держал свои окоченевшие ноги над смешным котелком с горячими углями, который

---

⁸ Найтовить – от найтов – веревка, служащая для укрепления предметов, которые могут двигаться от качки.

в этой стране называется печкой, и писал читателям «Часов досуга» о том, что в Испании чудесный климат, а доктору Целле, чтобы он выслал мне деньги по телеграфу в Гибралтар на покупку шубы и билета в какое-нибудь местечко, где бы я мог отогреть свои замерзшие кости.

Мне было не по себе, я чихал, кашлял, и так как я остановился в неотапливаемой греческой гостинице, – на отапливаемую английскую не хватило денег, – то я преимущественно проводил время на открытом воздухе, передвигаясь вместе с солнцем по утесу, на который падали солнечные лучи.

В гавани я заметил маленький пароход, так называемый арабский «диу». Хозяин этого судна был рыжебородый араб. Он говорил, без сомнения, по-арабски, но я с трудом мог понять его, и он также, казалось, не понимал вопросов, которые я ему задавал на египетском и бедуйнском языках. В конце концов я попытался заговорить с ним на древнеарабском языке (языке Корана), он удивленно открыл свои серые глаза, осмотрел меня с ног до головы, как немецкий фельдфебель осматривает рекрута, и спросил: «Ты разве магометанин?» – и когда я отрицательно покачал головой, он сказал: «Кто же ты, испанец или француз?» Услыхав, что я немец, он ответил на приветствие и спросил, каким образом я изучил язык священного Корана. Я объяснил ему это, и мы разговорились. Я узнал, что он кабил и владелец судна, которое сегодня вечером отправляется в Танжер.

После этого я вернулся к своей скале, но оказалось, что солнце уже зашло, и я, чихая, кашляя и проклиная всех и вся, бегал как угорелый по улицам города, чтобы согреться. Мне пришло в голову, что в Марокко теперь должно быть теплее, чем здесь, и я подумал о том, хватит ли у меня денег, чтобы отправиться вместе с арабом на его солнечную родину.

Охваченный этой идеей, я помчался обратно в гостиницу и стал считать свои небольшие капиталы: по моим расчетам я мог ехать. Тогда я полетел в гавань, к моему бородатому арабу, чтобы узнать, не возьмет ли он меня с собой. После некоторого раздумья, быстро окинув меня острым взглядом своих стальных глаз, он согласился. То, что он потребовал за проезд, было довольно крупной суммой и не включало пропитание.

Я уплатил по счету в гостинице и послал доктору Целле телеграмму:

«Посылайте все по адресу: Марокко, Танжер. У меня осталось два фунта!»

Взяв в руку чемодан и нагрузив себе на спину мешок с провизией, я вступил на борт корабля.

Глава IV

Что может произойти, когда снимаешь святых на улице

Бородатый вел себя весьма нагло. Каютка, которую он предложил мне, была похожа на курятник, приведенный в приличный вид очень простым способом: на пол были вылиты два ведра воды, и грязь, считалась смытой. Вместо кровати там висела парусиновая койка, и на полу лежал жесткий ковер. У меня зачесалось тело при виде этого ковра, но, когда я из гигиенических соображений решил выполоскать его в море, старый пират обиделся; оказалось, что этот ковер достался ему в наследство от отца, который, в свою очередь, унаследовал его от своего отца.

– Поэтому и не мешает помыть его, о Райе, – сказал я. – Старые клопы, которые населяют его, пьют уже много лет кровь правоверных; я же неверующий, и они могут заболеть от моей крови. Лучше уж им погибнуть в волнах морских.

Райе злобно посмотрел на меня своими стальными глазами, но затем рассмеялся и сказал:

– Ты насмешник, а насмешники прокляты Аллахом. Но для того, чтобы высмеивать других, нужен ум, и он знает, почему он наградил умом людей со злым сердцем.

– Да, но он, очевидно, не знает, за что он дает некоторым людям много песет за грязные каюты! – сказал я, устраивая себе постель на крыше курятника.

Здесь я провел свое путешествие. Днем я спал, а ночью созерцал звезды, думая о том, что за свои деньги я мог бы устроиться получше. В остальное время я кашлял и чихал, как гиппопотам, а ночная свежесть пронизывала меня насквозь, так что все мое тело ныло.

Однажды утром мы увидели серую полосу на горизонте над блестящей поверхностью моря, а за ней очертания розовато-серых острых башен – это был Марокко.

Тут-то у меня с моим викингом в тюрбане произошел серьезный конфликт. Он внезапно отдал приказ снять паруса, и до вечера мы, по совершенно непонятным для меня причинам, не двигались с места, покачиваясь на волнах. Увидев небольшой катер, который направлялся в нашу сторону от берега, наш корабль поспешно ретировался обратно к северу на несколько километров. Здесь он простоял несколько часов и затем опять направился к берегу, а с восходом луны снова стал кружиться взад и вперед. В трюме в это время кипела работа, ящики упаковывались и забивались, и, когда я полюбопытствовал взглянуть, что там делается, кто-то заорал мне снизу:

– Убирайся отсюда, неверная собака!

На мой вопрос, что все это значит, хозяин пробормотал что-то непонятное. Я стал настойчивее и спросил, когда же, наконец, мы высадимся. Он разозлился и рявкнул:

– Когда я захочу! Здесь я капитан!

Меня ужасно знобило, голова горела, и я мечтал о теплой постели. Поэтому я тоже набросился на него:

– Да, ты – капитан, но я – пассажир, который заплатил за дорогу от Гибралтара до Танжера, а не за прогулку по берегу Марокко! Я сам моряк и вижу, что ты без толку крутишься взад и вперед, и требую, чтобы ты высадил меня на берег!

Он стоял у веревки, которая заменяла руль; от злости его борода стала дыбом. Он раскрыл рот; я увидел, что он ищет особенно выразительных ругательств, и быстро подошел к нему:

– Сдержи свой язык, о Райе, не то я вобью его тебе обратно в рот с такой силой, что ты перелетишь за борт! Смотри-ка сюда: вот в этой штучке припасена для каждого из вас пуля, и кто сделает шаг по направлению ко мне, тот отправится к праотцам. Поэтому не натравливай на меня своих людей, а лучше скажи, когда ты высадишь меня в Танжере?

Зажмурившись, он посмотрел в черное дуло браунинга. Голос его дрогнул, когда он, наконец, произнес:

– Завтра после обеда или послезавтра утром – раньше я не могу доставить тебя в Танжер.

– Почему ты не можешь?

– У меня более важные дела, чем высадка одного пассажира; тебя они не касаются. Но если ты во что бы то ни стало хочешь высадиться, то я могу доставить тебя шлюпкой на берег, оттуда рыбаки доведут тебя до Танжера.

– Хорошо! Вели приготовить шлюпку и снести туда мои вещи. Но предупреди твоих, что ко мне нельзя подходить ближе трех шагов, иначе я буду стрелять!

Я перелез через борт вслед за арабом, который должен был везти меня на берег. Они молча смотрели, как мы отчалили. Полуголодный араб правил по направлению к берегу. Проехав значительное расстояние, мы остановились; он вылез и, погрузив мои вещи себе на голову, побрел по воде. Когда мы, наконец, добрались до твердой почвы, он молча спрятал песету, которую я дал ему на чай, и, напевая монотонную песню, направился назад к кораблю по серебряной глади волн.

Я с трудом передвигал ноги. Мне становилось то жарко, то холодно, и в конце концов я апатично присел на свой сундучок, опустив тяжелую голову на руки. Однообразный шум моря сливался с шумом крови, пульсировавшей в моих жилах. Так вступил я снова на почву Африки.

Через несколько минут я принял две таблетки аспирина, с трудом проглотив их без воды, и попробовал двинуться дальше. Не увижу ли я огонь или людей где-нибудь поблизости? Но берег, насколько я мог его разглядеть при слабом свете луны, был пуст и необитаем. Я нашел себе в песке ямку, которая могла защитить меня от ветра. Перетащив сюда свои вещи, я надел на себя все, что только было возможно, скорчился в комочек и, скуля как больной пес, скоро уснул.

Но это был беспокойный сон; мне снилась магометанская борода араба, которая превращалась в лицо незабвенного капитана с корабля «Луиза Генриетта». Когда капитан приказал посадить меня на кол и поджарить за то, что я будто бы поджег корабль, я проснулся и увидел красные лучи восходящего солнца.

Я не помню, чтобы когда-либо я так радовался восходу солнца. Я чувствовал себя разбитым и ужасно хотел пить, но мне все же было гораздо лучше, чем вчера вечером. Я вспомнил, что в мешке должен быть лимон, и с наслаждением высосал из него сок. Когда солнце совсем взошло, мне пришла в голову блестящая мысль – вырыть себе ямку поглубже и принять в ней солнечную ванну, чтобы хорошенько вспотеть. Я принял еще таблетку аспирина и долго потел на солнце, пока не заснул спокойным сном: мне уже больше не снился бородатый, но зато в полдень со мной случилось новое происшествие.

Я почувствовал вдруг, как что-то щекочет мне шею, и когда открыл глаза, то увидел, что это была какая-то палка. С сердитым ворчанием я приподнял голову. При этом движении с меня посыпался песок, который был нанесен на меня ветром, затем я услышал страшный крик. Какой-то чернокожий, увидев меня, в ужасе отбросил свою корзину с рыбой в одну сторону, а палку – в другую и бросился бежать как угорелый.

– В чем дело? Эй вы! – крикнул я. Но вдруг я понял все. Он видел только мою голову, торчавшую из кучи песка, и принял меня за труп. И вдруг этот труп ожил!

Но все же мне нужно было догнать его. Во-первых, меня мучила страшная жажда, а во-вторых, я хотел, в конце концов, добраться до Танжера. Поэтому я вскочил на ноги и с криком: «Стой, погоди!» – помчался за негром. Тот, видя, что за ним гонится утопленник, все прибавляя шагу, с невероятной быстротой мчался вдоль берега. Я же после болезни настолько ослабел, что не мог бежать с обычной скоростью, и, конечно, не догнал бы его, если бы он,

внезапно поскользнувшись, не растянулся бы во всю длину на песке. Едва он успел подняться на ноги, как я подскочил к нему и схватил его за тряпку, обмотанную вокруг бедер.

– Аллах! – закричал он отчаянным голосом.

– Успокойся, я не мертвец и не дух, а человек, попавший сюда после кораблекрушения. Скажи лучше, как мне добраться до Танжера. Не сможешь ли ты проводить меня или, по крайней мере, указать, где бы я мог достать провожатого или осла?

– Чего ты хочешь? – повторил он, все еще тревожно глядя на меня и от испуга обеими руками сжимая свою набедренную повязку. Тут я опять убедился в том, что в этой местности не понимают моего арабского языка. Я два раза медленно, с ударениями повторил все сказанное: казалось, что он понял, в чем дело, но из того, что он мне ответил, я не понял ни слова.

– *Se habla espanol?*⁹ – спросил он меня.

– *No, ma um poco d'italiano!*¹⁰ – ответил я с надеждой.

Он энергично замотал головой в ответ на эти слова, а также и на английскую речь, с которой я обратился к нему. Затем мы некоторое время молча смотрели друг на друга; я предложил ему папироску, он улыбнулся. Я знаками показал ему, что хочу пить, он кивнул головой и сделал мне знак следовать за ним.

Мы довольно долго шли вдоль берега, я успел снова почувствовать себя плохо, пока мы, наконец, добрались до маленького каменного домика на мысу. Тут он стал что-то объяснять мне. Я понял только два слова: «стража» и «испанский». Но пойти со мной туда он отказался, и я, старый осел, дав ему песету за услугу, потащился сам по направлению к домику. Моя неосмотрительность, очевидно, была следствием моего плохого самочувствия.

Солдаты испанской таможенной стражи были увлечены игрой в карты. Я кое-как смог объясниться с ними, несмотря на мои слабые познания испанского и английского языков. Больше всего их заинтересовал мой бандит-капитан, о котором я рассказал им, и то, чем был нагружен его корабль. Но к сожалению, я не смог ответить на эти вопросы. Тут я вспомнил о своих забытых вещах и о суеверном чернокожем, проводившем меня сюда. Сопровождаемый двумя испанцами, я поспешно направился на место моего ночного отдыха. Конечно, мы не нашли никаких следов как разбойничьего корабля, так и вещей, оставленных мной на песке. Очевидно, быстроногий юноша унес их с собой.

К счастью, меня вчера так знобило, что я надел на себя два костюма, в карманах которых находились браунинг и бумажник с деньгами, так что пропажа остального имущества – пары ботинок и нескольких штук белья – была для меня не особенно чувствительна. Отчет о путешествии, который я приготовил для доктора Целле, тоже пропал, но в тот момент мне было не до него.

После этого на моторной лодке меня довезли до Танжера. Выдержав новый допрос испанских властей, я завалился, наконец, в постель в лучшей гостинице города и заснул. Я спал три дня подряд как убитый, просыпаясь только для того, чтобы выпить стакан горячего грога.

На четвертый день я получил объемистое письмо от доктора Целле, в котором он выражал удивление по поводу моего внезапного отъезда и посылал мне тысячи пожеланий от себя и своих подписчиков. Кроме того, он просил, чтобы я делал побольше снимков и сам непременно был на переднем плане каждой фотографии; для этого в посланном мне в Танжер аппарате есть автоматическое приспособление. Кроме того, в письме лежал чек на испанский банк и договор, который я, в случае согласия со всеми пунктами, должен подписать и передать банку: тогда мне будут уплачены деньги.

В конце письма, написанного на пишущей машинке, карандашом было приписано:

---

⁹ Ты говоришь по-испански?

¹⁰ Нет, но немного по-итальянски!

«Дорогой Гайе! Я думаю вы поймете, что не я виноват в этих подлых условиях получения денег по чеку. Я всеми силами старался воспротивиться этому. Обращаю ваше внимание на пустое место в графе “Особые расходы”. Дальше я позабочусь о том, чтобы вы были лучше оплачены.

Ваш Ц.»

То, что они предлагали, было ровно половиной того, на что я при всей своей скромности рассчитывал. Но здесь, конечно, не могло быть и речи об отказе, потому что я был на чужбине, на мне была одна рубашка и в кармане полтора фунта, причем имелось уже три фунта долга в гостинице. Я подписал договор и освободился от всяких иллюзий относительно моего теперешнего начальства, а также от чувства долга по отношению к нему.

Сделавшись профессиональным путешественником, я описал еще раз свою поездку до Марокко и дал приблизительный план своего дальнейшего кругосветного путешествия. Я предполагал отсюда отправиться до Египта, потом через Судан в Абиссинию, Сомали и Британскую Восточную Африку; оттуда в Индию, Китай, Японию, на острова Зунда, затем через моря Южного Архипелага и Австралию в Южную Америку. Пройти Америку насквозь до Канады, а оттуда опять вернуться в Европу! Такое путешествие должно было продолжаться пять-шесть лет.

Когда я кончил свое писание, мне доложили о прибытии посылки для меня. Это был громадный ящик, посланный на мое имя одной из лучших в Германии фабрик фотографических аппаратов. Аппарат содержал такое громоздкое приспособление, что, увидев его, я озабоченно покачал головой. Также удивился я высокой цене, уплаченной за этот аппарат моим экономным начальством, но относительно этого я получил разъяснение, распечатав счет, приложенный к посылке. Этот аппарат был продан фирмой со скидкой 70 % с условием, чтобы в моих отчетах изредка упоминалось, что снимки сделаны аппаратом такой-то фирмы, и давался блестящий отзыв о ней. Буду ли я действительно доволен аппаратом, это к делу не относится!

Первым делом я взял приложенный справочник, поставил с одной стороны возле себя аппарат, с другой – стакан кофе и ящик папирос, и два дня подряд изучал теорию и практику фотографирования и искусство обращения с этим громоздким ящиком. Когда я почувствовал, что приблизительно постиг теорию, я повесил ящик себе на плечо, взял под мышку штатив, который можно было вытянуть до двух метров длины, и отправился бродить по улицам Танжера.

Мне не удалось заснять оборванных туземцев верхом на ослах, потому что их нельзя было заставить стоять спокойно ни одной секунды; зато снимок испанцев, путешествующих на верблюдах, удался великолепно.

Проходя дальше по улицам города, я увидел маленького человечка, прикурнувшего под каменной стеной в блаженном сне; у него была длинная грязная борода, похожая на конский волос, вырванный из старой кушетки. Я снял этого живописного старичка сначала одного, затем вместе с собой. Вдруг, откуда ни возьмись, появился какой-то кипевший негодованием магометанин и недолго думая наградил увесистым ударом этот «ящик дьявола», как он назвал мой аппарат, и меня самого тоже двумя ударами по зубам. Только потом из криков этого помешанного я понял, что вонючий старикашка был жрецом и чуть ли не святейшим человеком во всем Марокко.

От криков человек проснулся и голосом, подобным звуку визжащей пилы, стал сыпать проклятия на мою голову и, схватив горсть козьего помета, бросил его в меня. Они так орали, что взбудоражили весь квартал. Скоро меня окружила толпа туземцев, которые с руганью и криками размахивали палками и снятыми с ног туфлями; две собаки, присоединившиеся к толпе, норовили укусить меня за икры. Видя, что дело мое дрянь, я перебросил свой аппарат через плечо, зажал штатив под мышку и, дико вращая глазами, бросился прямо в ору-

щую толпу, которая в испуге расступилась. Я воспользовался этим минутным замешательством и кинулся бежать по улицам города. Правовверные долго преследовали меня, но я бежал так быстро, что они в конце концов потеряли меня из виду. Я понял, что на Востоке надо быть осторожнее: прежде чем снимать кого-нибудь, надо предварительно узнать, не святой ли он!

В тот же вечер я нанял оруженосца: его звали Солиман Ассул, у него были кривые ноги и громадный нос, как в сказке у «Короля носов». Когда я вышел из дверей гостницы, он подошел ко мне и на ужасно ломаном английском языке спросил, не нужен ли мне слуга, который носил бы за мной этот ящик и мог бы разгонять народ, когда мне нужно снимать, и объяснял бы мне, какие из этих людей святые, какие нет, чтобы не вышло такого недоразумения, как сегодня утром.

Я молча посмотрел на него и почувствовал запах спирта, которым от него несло на расстоянии нескольких шагов. В общем он мне не понравился, и, чтобы отвязаться от него, я сказал, что пробуду в Танжере всего пару дней, а затем еду дальше, в Алжир, и оттуда еще дальше.

– Well, сэр, я поеду с тобой в Тунис, Триполи и еще дальше. Там моя родина. Я могу чистить тебе ботинки, мыть рубашки и делать еще многое другое.

– Если ты с Востока, то должен знать язык бедуинов, – прервал я его.

– О да, господин. Значит, ты был на Востоке и знаешь язык моей родины? Возьми меня с собой! Язык Запада мне горек, как перец, а здешние люди доводят меня до боли в желудке!

– Ты магометанин?

– Да, господин.

– Ведь ваш пророк сказал: всякий, кто пьет, будет проклят, – а ты пьешь водку!

– Нет, господин, не водку, а вино, и то совсем немного и только потому, что у меня от здешнего народа болит живот. Я прошу тебя. Ты будешь доволен мной. Можешь пока не платить ничего!

– А сколько жалованья ты просишь?

– Сколько я прошу? Сорок – тридцать песет.

– Я дам тебе десять, а если ты будешь вести себя прилично, то прибавлю еще пять, но каждый раз, когда от тебя будет разить спиртом, буду убавлять тебе по одной песете. Согласен?

– Да, господин. Увидишь, я буду всегда получать пятнадцать и еще бакшиш от тебя, потому что не буду пить. В этом виноваты проклятые жители Марокко!

Довольный, что мне больше не придется тащить на себе эту проклятую штуку, я повесил ее через плечо «Носа» и принял его к себе на службу. Если бы я рассчитывался с ним согласно условиям, то Солиман Ассул ежемесячно приплачивал бы мне изрядную сумму, потому что он был отчаянным пьяницей. Но я думаю, что пророк наказывал его достаточно невероятным количеством побоев, которые приходились на его долю повсюду. Стоило ему только напиться, как он становился необыкновенно драчливым и лез в драку с самыми страшными бедуинами и погонщиками верблюдов. Кончалось обыкновенно тем, что его беспощадно избивали.

Глава V

Почему мои планы несколько изменились

В один прекрасный день у меня явилось желание нанять мулов и предпринять прогулку через поросшие темно-зеленым кустарником обрывы на самую вершину горного хребта, где виднелись цветущие поляны, ласкаемые лучами солнца. Но люди в гостинице подняли меня на смех, когда я сказал им об этом.

– Вы можете с таким же успехом снять с себя все, вплоть до белья, сбросить с выступа горы и сами прыгнуть вслед за этими вещами. Результат будет одинаковый, – сказал мне инженер-англичанин, живший рядом со мной. – В этих горах живут кабилы; они так некультурны, что могут из-за перламутровых пуговиц на вашем жилете перерезать вам глотку.

Я сидел за чашкой кофе, погруженный в глубокое раздумье. В первый раз в жизни мне приходилось отказываться от задуманного путешествия – я привык обыкновенно идти на самые рискованные предприятия. Но скоро я примирился с этой необходимостью, вспомнив, что путешествую не для своего удовольствия, а по обязанности, и вожу с собой казенное имущество, то есть фотографический аппарат, и как бы там ни было, а я должен отвечать за его целостность, так же как за жизнь моего вечно пьяного оруженосца. Поэтому я примирился с необходимостью ехать до Алжира морем. Но тут англичанин опять подошел ко мне и спросил, стремлюсь ли я к какой-нибудь определенной цели, или просто хочу побывать в горах.

– Я просто хотел поближе осмотреть эти горы. В скорости передвижения я несколько не заинтересован.

– Very well!¹¹ – ответил он и повел меня в бар, где познакомил с тремя шведскими учеными, командированными каким-то научным обществом для изучения горного хребта. Они очень обрадовались, что их компания увеличилась еще на одного человека, и сообщили мне, что завтра утром собираются выступить в поход.

У моего Ассула был по обыкновению выходной день, и, к счастью, я скоро услышал его сварливый голос, доносившийся из соседнего кабачка. Направившись туда, я нашел его не совсем пьяным, то есть во всяком случае способным отправиться на поиски за мулами.

Через несколько часов он явился ко мне в сопровождении целой группы более или менее подозрительных типов; некоторые из них привели с собой мулов. Я выбрал одного пожилого добродушного мужчину и молодого кудрявого парня. Последнего я нанял только потому, что он был удивительно похож на быстрого юншу, похитившего мой багаж. Я долго рассматривал его со всех сторон и даже схватил его за ворот рубахи, чтобы посмотреть, нет ли на ней печати цюрихской фирмы, где я приобрел белье. Но она была настолько черна от грязи, что на ней не было никакой возможности разобрать какие бы то ни было знаки. В течение пяти недель нашего совместного путешествия я так и не установил – был ли это тот самый жулик или другой. Но что он был жуликом, в этом не могло быть сомнений, потому что на прощанье он забрал с собой пару моих ботинок, а у Ассула украл котелок вместе с варившейся в нем овсянкой. «Нос», по обыкновению пьяный, затеял ссору с торговкой, продавшей ему несвежие яйца, и поэтому прозевал это событие.

---

¹¹ Хорошо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.